

С. Н. Жеребцов

**Психология
переживаний личности
в динамике культуры**

Античность

Средневековье

Возрождение

Мозырь
«Содействие»
2013

Жеребцов, С. Н. Психология переживаний личности в динамике культуры : Античность, Средневековье, Возрождение / С. Н. Жеребцов. — Мозырь : Содействие, 2013. — 184 с. — ISBN 978-985-520-717-8.

В монографии обосновывается необходимость культурно-исторического анализа в раскрытии сущности и феноменологии переживаний. Культурно-исторический подход выступает не только адекватным гносеологическим основанием исследования переживаний, но и онтологическим требованием к человеку, который может сохранить свою человечность только как историческое и культурное существо. Признавая уникальность, приватность, интимность переживаний, фиксируются их социально-психологический генезис и социально-психологическая онтология. Проанализированы взгляды на переживания мыслителей Античности, Средневековья, Возрождения, динамика этих взглядов, их использование в современной психологии. Историческая специфика представлений о переживаниях прослежена в зависимости от своеобразия самих переживаний каждой из эпох. Богатство и благополучие субъективности (переживаний) личности ставится в зависимость от её способности быть субъектом в культурном процессе.

Для психологов, философов, историков, культурологов, педагогов и всех тех, кто интересуется проблемами переживаний личности, их трансформации в социально-психологическом и социокультурном контексте.

Рекомендовано к изданию
решением заседания кафедры психологии
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»
(протокол № 6 от 25 января 2013 г.)

Рекомендовано к изданию
решением заседания научного технического комитета
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»

Рецензенты:

доктор психологических наук, профессор Я. Л. Коломинский;
доктор психологических наук Г. В. Лосик

ISBN 978-985-520-717-8

© Жеребцов С. Н., 2013
© Оформление. ОДО «Образовательная
компания «Содействие», 2013

Введение: теоретические основания исследования переживаний личности в контексте культуры и истории	11
1. Переживания и их концептуализация в эпоху Античности	22
1.1. От Протагора — к Сократу	22
1.2. Платон: четыре идеи об устройстве внутреннего мира	29
1.3. Аристотель: необходимость и целостность переживаний	33
1.4. Демокрит: переживания как регулятор поведения	40
1.5. Эпикурейство и стоицизм: две концепции управления переживаниями	41
1.6. Переживания в социокультурной ситуации античности	47
2. Средневековые переживания и представления о них	59
2.1. Христианство: феноменология переживаний	59
2.2. «Объективная взволнованность» Августина Блаженного	62
2.3. Экзистенциализм У. Оккама и индивидуализм Д. Скотта	68
2.4. Взаимопревращение культуры и переживаний	71
2.5. Ф. Аквинский: личность как субъект переживаний	88
2.6. Культурно-психологическая динамика средневековья: от «домашней эпохи» к «губительному отрицанию жизни»	98
3. Переживания личности и развитие представлений о них в эпоху Возрождения	105
3.1. Ф. Петрарка: творчество и принцип суверенитета личности	105
3.2. Л. Валла: наслаждение как ценность	109
3.3. Комплексное описание жизни Леонардо да Винчи	109
3.4. Внутренний мир «благовоспитанного человека» по Б. Кастильоне	112
3.5. Индивидуальность как ренессансное культурно-психологическое образование	116
3.6. Б. Телезио и Х. Вивес: идеи к овладению переживаниями	119
3.7. Практическая философия жизни М. Монтеня	121
3.8. Достоинство человека и новые функциональные органы переживания	126
3.9. Переживание как игра и чудесное превращение	131
3.10. Переживание ренессансных противоречий: становление субъекта и реализация полноты бытия	134
Заключение: переживание как свидетельство жизни	144
Список литературы	173

быть отражением потусторонних идеалов, а стало упоительной и бесконечно усладительной сферой личностных выражений со всей бесконечной гаммой всякого рода чувств, настроений и состояний» [96]. Если средневековье не знало портрета, то ренессансное время явило собой взрыв портретного и в целом живописного искусства, причем с особой техникой «линейной перспективы», которая олицетворяла новое миро- и человековосприятие, а также изменившее способ организации внутреннего опыта: «Время Джотто, Леонардо, Рафаэля известно современному человеку почти исключительно своими картинами, а для специалиста-искусствоведа оно олицетворяется словами «линейная перспектива». Переоткрытие живописной техники изображения с центральной проекцией (известной в древности, но потесненной в средние века обратной, многоцентральной проекцией) произвело в психологии европейцев переворот, сравнимый с внедрением силлогистической логики в их мышление в античности. Прямое перспективное структурирование пространства, присутствующее в любом человеческом восприятии, европейская цивилизация обобщила, довела до визуального формализма и сделала культурной нормой, как правильное и рациональное рассуждение, самоанализ и самоконтроль, личную гигиену и т. д. Линейная перспектива — стержень антропоцентрической картины мира и визуального склада европейского опыта» [166, с. 433].

Субъектность и интегрированная с нею субъективность происходят в новоевропейском понимании именно с обнаружением и тиражированием визуальной перспективы. «Реализованная перспектива», пишет швейцарский историк культуры Ж. Гебзер, — означает открытие, а также осознание пространства, напротив, еще не реализованная перспектива — что пространство в человеке спит или человек в пространстве спит... Отсутствие пространственного сознания предпосылает отсутствие сознания «я», в то время как при объективации пространства при определении себя самосознающее «я» нуждается в противопоставлении пространству и, отделяя его от души, может уравниваться с ней» (цит. по: [166, с. 343—344]). По основанию «перспективное видение» Ж. Гебзер вычленяет три эпохи в становлении европейской психики: доперспективную, перспективную и аперспективную. Психика до перспективы одномерна (в магии) или двумерна (в мифе). Человек и ситуация синкретичны, он сливается со своим Я с витальной энергией ритуальной группы или вербальным образом повествования, его мир конечен и замкнут, поскольку абсолютно неограничен неограничен рассекающей понятийной рациональностью. Перспективное же восприятие помещено в бесконечное пространство. Его носитель знает, что видит он только небольшой фрагмент мироздания. Аперспективная психика — это некая мутация, заключающаяся в слиянии времени-пространства, которая в связи с развитием техники, информационных технологий, соответствующего искусства станет

возможной, позволяющей четырёхмерным видением фиксировать развитие любого объекта. В этом и во многих других отношениях указание Ж. Гебзера чрезвычайно пронизательно. Но перспективное видение в отрыве от возникновения особого свойства социальных отношений, в первых, не может появиться, во-вторых, рождение Я — также многофакторный процесс, в котором и противоречивость социальной жизни, когда себя человек отделяет от любой социальной функции, и силлогистическая, понятийная рациональность, и текстовое устройство субъективности, и линейное восприятие времени, и различение реальности и вымысла выступают системой индивидуализации человека, утверждения его Я. К примеру, интерес может представлять отношение доперспективной, перспективной и аперспективной эпох к дописьменным, письменным и постписьменным типам организации субъективности.

3.9. Переживание как игра и чувственное приращение

Духовный подъем на рубеже XV—XVI веков с его великими открытиями, с возрождением наук и искусств — это, по словам С. Цвейга, «коллективное, счастливое переживание», общее для всей Европы [160, с. 163]. Очень многие, причём представлявшие различные социальные слои, стремились приобщиться к царству культуры, образованности: «...короли и папы, князья и священники, художники и государственные мужи, юноши и женщины спешили овладеть искусствами и науками...» [160, с. 163]. Наряду с церковной и светской властью теперь почитается власть знаний и таланта. «Реформированное христианство, сорвав со стен храмов иконы и украшения, дает каждому Библию и заставляет читать. Этого бы не случилось без помощи печатного станка, впервые в истории христианства сделавшего Библию книгой для чтения. Продукция типографий отличается от изукрашенных рукописных сводов строгим и правильным порядком одинаковых строк. Она дисциплинирует ум» [166, с. 301].

Э. Роттердамский (1469—1536) — один самых влиятельных и популярных просветителей той поры — полагал, что образование, а не принадлежность к высшему обществу делает человеческую жизнь достойной человека. Необразованного человека он ставит даже ниже животного, т. к. оно живет в согласии со своей природой, а необразованный человек живет, не понимая, что он должен делать и в чем состоит его назначение. Философия как фундаментальная и общая дисциплина должна присутствовать во всей жизни человека и вести его по жизни [134]. В данных установках можно уловить, во-первых, приближение к экзистенциальной проблематике (назначение жизни и распоряжение своей жизнью), а, во-вторых, фиксацию роли образования (культурных инструментов) в управлении жизнью. Конечно, сущность и механизмы данного управления

оставались не раскрытыми. Но простраивание внутренней жизни, всей личностной феноменологии средствами культурных, научных образований — это признавалось вполне определённо. О себе самом в этой связи Э. Роттердамский скажет: «Моя родина там, где моя библиотека» [133].

Это было время почти религиозной веры в прогресс с помощью просвещения, веры в быстрое обретение человеком гармонии, душевного совершенства и построения совершенного общества на принципах гуманизма. «Чувство совершающейся «метаморфозы» было интеллектуальным и эмоциональным по содержанию и почти религиозным по характеру» [96]. Тяга к знаниям, просвещённость неизбежно вели к свободомыслию, к свержению былых убеждений, ценностей и устоев. Жизнерадостное свободомыслие сочеталось с ощущением конца, с неопределённостью и тревогой. «Это пора прекрасной готовности; в государствах — беспокойное брожение, в душах — нетерпение и трепетный страх...» [160, с. 172].

Возрождение формирует такой комплекс средств самопонимания и самовыражения человека, который позволял переживаниям иметь игровой характер, а бытие человека всё чаще воспринималось как приключение, имеющее свойства игры. Переживание, как и игра, стало обособляться от «обыденной» жизни. Родственность переживания и игры ещё и в том, что имеют схожую динамику и структуру; у всякого переживания есть свои внутренние правила; переживание окружено тайной, т. е. тайна через переживания стремится заявить о себе человеку; в той или иной степени переживание — это свободная деятельность или оно свободно настолько, насколько свободен человек в жизни. Указанные свойства игры (они определены Й. Хейзингой), общие со свойствами переживания, внешне отражают ренессансное настроение.

«В переживании... дана, с одной стороны, среда в отношении ко мне..., с другой — сказываются особенности развития моей личности» [42, с. 383]. То же можно сказать и об игре. Игра — тот же активности, который осуществляется на основе внешних средств, во внешнем мире, во взаимодействии с другими, которые реально присутствуют, или лишь в воображении, но с включением личностных феноменов человека, с его пониманием смысла игровой ситуации. Переживание есть согласование антиномий человеческого бытия. По А. Ф. Лосеву свобода и необходимость примиряются в чувстве [93]. Целью переживания выступает достижение некоей определенности, понятности, осмысленности, когда сформировано отношение к какому-то аспекту жизни. Но и в игре человек может быть активен до тех пор, пока не исчерпает для себя смысл этой активности. И игра, и переживание — творческие, выразительные по своему характеру процессы. В своих захватывающих и возвышающих игровых ситуациях, в необыкновенных переживаниях человек поднимается над обыденной жизнью. И в спонтанной игре, и в переживании выражается некое содержание. Выразительное бытие по А. Ф. Лосеву есть всегда синтез двух планов, одного — наиболее внешнего, очевидного,

и другого — внутреннего, осмысляющего и подразумеваемого [93]. Но это не просто выражение, а преобразующее выражение, в котором есть взаимодействие двух и более личностных планов. Динамика ценностно-смысловой системы в игре и в переживании есть превращение (Ж.-П. Сартр, *Условность игровой ситуации облегчает, высвобождает данное превращение на уровне переживаний. Т. е. в игре через переживания личность становится другой.*

Игровой характер переживания имеет огромное значение, т. к. и в истории человека, и в истории человечества обнаруживается его персонотенный характер. В работах Ф. В. Бастиана, посвящённых проблемам «значущих переживаний», указывается, что переживание — это та активность, которая изменяет и преобразует бытие человека, а в самом широком плане — его бытие [90, 10]. Но сами переживания — это процесс и результат экспериментирования человека, в том числе и прежде всего игрового экспериментирования. Конечно, следует понимать относительность рассмотренной игры и переживания как различных феноменов, поскольку играет переживающий человек, а предмет переживания выступает смыслом игры. Но в этой невозможности разъединить игру и переживание опыта существуют проблемы: переживания есть вращенные, свернутые, преобразованные игровые действия, строящиеся в соответствии с сюжетом и мотивами игры. А экстериоризация переживаний есть осуществление жизненных решений, замыслов, которые тоже имеют сходство с сюжетом и художественным оформлением игры. В игре человек реальный обретает черты человека возможного. И если мы говорим об игре как о ведущей деятельности в конкретном возрасте, то важно понимать, что именно она выступает локомотивом в развитии переживаний — наиболее личностного (социального, опосредованного) и личного (приватного, интимного) аспекта бытия человека. Следует указать, что играл человек во все времена. Но в возрожденческом игровом бытии обнаруживается социокультурный идеал жизни как игры, идеал игры как жизнотворчества, идеал свободного человека, переживающего свою исключительность и чудесность бытия. В творчески-игровом отношении отражена одна из главных социально-психологических примет времени. Ариосто в поэме «Неистовый Орландо» в полной мере отразил это. В произведении много волшебства и чудесных превращений. «Конечно, Ариосто не настаивает на доподлинности деталей и готов расхохотаться по поводу любой из них. Но он ничуть не скептивен в отношении к самой стихии волшебства. Он как бы говорит: пусть то, о чем я рассказываю, вымысел, пусть *этих чудес* не было, но вообще-то на свете возможны всякие чудеса, вообще-то жизнь — Великое Приключение, и я подчас не знаю, что и думать о моих сказках... (...) Средневековье ожидало чуда, потому что нет ничего невозможного для бога; Возрождение допускало чудо, именно потому что безоглядно и восторженно утверждало земную реальность. Ибо нет

ничего невозможного для человека, и природа — мать всяческого волшебства» [12, с. 142]. В мире переживаний постоянно происходят флуктуации между подлинным и ложным, между реальностью и вымыслом. Переживание имеет персоногенный потенциал, если идёт дальше непосредственно данного. Чувственно-земное может преобразовываться, если есть рефлексивная позиция, когда человек приподнимается над частностями, когда рефлексия усилена воображением, а воображение раскрепощается игровым настроением, игровым видением сюжета жизни. Игровое отношение позволяет к различным средствам самовыражения относиться именно как к средствам, не абсолютизируя ни форму, ни слово, ни жест, ни социальную норму, ни убеждение, ни ценность. Человек в игре отчуждает себя от средств деятельности, в том числе от средств внутренней деятельности, чтобы оперировать ими. Именно это частное отчуждение есть профилактика психологического, личностного отчуждения. Без игровой интонации личность становится чуждой себе и застывшей. Самое серьёзно-значимое по своему влиянию на личностное развитие, самое необходимое для персоногенного переживания есть именно атмосфера (само состояние) игры и чуда. В этой атмосфере крепнет вера в себя, усиливается субъектность. Субъектность, индивидуальность, творчество, игра, превращение, чудо — феномены переживания, которое отличает свободного человека. Игровое переживание потому и становится персоногенным, что содержит возможность выхода за пределы любой наличности. Свободный человек всегда знает об открытости своей судьбы.

Множественность жизненных ситуаций, игровых сюжетов — это ни парадоксально, выступает основой конкретности и самоопределённости. Данный аспект игры есть условие переживания непрерывности, связности жизненного опыта, когда человек может сказать: «Я — это Я». Самосознание, субъектность личности, таким образом, конституируется через переживание ролевой множественности. Переживание «объекта», переживание внешней реальности неразрывно с переживанием самого себя, с переживанием субъекта. Поэтому П. С. Рудневский говорит о том, что переживание есть интегративная характеристика социальной ситуации. Итак, в игре имеет место не просто фактилизация работы переживания, но и зарождение переживания. Да с обретением соответствующего опыта человек начинает ощущать себя субъектом внутренней и внешней деятельности, он обретает свободу. Мышление, не ставшее переживанием, теплотность, не ставшая игрой, в жизни человека не имеют значения, они не высвобождают его потенциал.

Свободолюбивый характер игры и познания впервые в истории был в полной мере осознан именно эпоху Возрождения. Затем (в эпоху капитализма и буржуазии), игре и свободе стало угрожать стремление к комфорту. Но свобода, по мнению либеральных идеологов, стоит выше комфорта и скрупулезного исчисления благ. «Кто ищет в свободе что-либо, кроме

самой свободы, создан для рабства», — резонно заметит А. де Токвиль. Свобода, как говорится в одной из максим западного современного общества, сулит не счастье, а самоидентификацию. Свобода как проявление сущности человека зарождается в игре, постулирует его субъектность, а в субъективном плане даёт в игровом переживании.

3.10. Переживание ренессансного противоречия: становление субъекта и реализация полноты бытия

Для анализа переживаний как феноменов социально-психологического бытия личностно необходимо конкретизировать социотипические характеристики в различных культурах. Если античная культура развивалась через экспликацию *мифологического сознания*, а мифы являли собой проекцию *первоначальных родо-родовых отношений* на весь мир, и паттерны этих отношений, в свою очередь, *интериоризировались и образовывали некую личностную инфраструктуру переживаний*, т. е. в них отражались, как мы предполагаем, универсализация, абсолютизация отношений в общинно-родовой системе, то ренессансная культура центром мироощущения и самосознания делает индивидуальную личность, которая для своего самопонимания и самоутверждения опирается не на различные мифологические сюжеты, а на *безусловную очевидность личностного, собственного, частного*. Личностное есть центр принятия решений, причём без религиозных и сакральных санкций. Ренессансный человек, как и человек последующих эпох, тоже несвободен от всяческих норм, но он уже в значительной степени критичен к ним, нормы множественны, а значит противоречивы, относительно, поэтому образуется смысловое (духовное) пространство, в котором рефлексивное переживание является процессом ориентации, взвешивания, сомнений, выборов и одновременно «кристаллизации» Я. Из множества норм, ценностей, убеждений, «пропущенных» переживанием через себя, выбираются и присваиваются некоторые, структурированные по личной логике с учётом свойств социальной материи. Выбранное образует систему функциональных органов, являющихся основой новых выборов и порождающих новые органы, поэтому «каждый человек — сын своих дел»; вся эта сложнейшая динамика, всё это богатое ценностно-смысловое содержание, вся эта система паттернов как некой логики внутренней жизни и есть индивидуальная приватность, неповторимая субъективность, всколыхнувшая культурные, политические и социальные устои христианской Европы. Как не раз было показано, принц Гамлет, обладавший индивидуальной приватностью, средствами и внутренним пространством для рефлексивного переживания, диссонирует всем внутренним планом своей личности с диктатом